

К ЭТИМОЛОГИИ СЛОВА *MANGGUS*
В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Сундуева Е.В.
/Улан-Удэ/

Бур. *мангас* /*мангад*/ *мангадхай*, монг. *мангас* имеют значение 'многоголовое человекоподобное существо, вредящее людям, сказочное чудовище'. Учеными высказывались различные точки зрения относительно этимологии данного слова: от п.-монг. *таγυи* 'дурной; злой', от др.-иран. *tōghu* 'маг' через тюркское посредство (во всяком случае к *tōghu* возводятся тюрк. *могус*, *муз*, *моос*, калм., орд. *мус*) [Мифологический словарь, 1990, с. 100]. В словаре О. М. Ковалевского находим: п.-монг. *mangγus*, *mangγud* 'ракшас, чудовище плотоядное, род вампира' [Kowalewski, 1849, p. 1977]. В монгольской версии «Двенадцати деяний Будды», относящейся к началу XIV в., форма [*em-e*] *mangγus* упоминается трижды [Tumurtoogo, 2006, p. 109, 117]. Также данная лексема дважды встречается в «Тайной истории монголов»: *amidu jalgisu kegü mangγus metü* [Racheviltz, 1972, p. 29] 'like a dragon-snake swallowing its prey alive' [Racheviltz, 2004, p. 21]; *gü 'ün-nece busu gürölgü mangγus töteksen joci-qasar ke 'ekgeyü tere buyu-je* [Racheviltz, 1972, p. 105] 'different from all other men, he was born a coiling dragon-snake. His name is Joci-Qasar' [Racheviltz, 2004, p. 121].

Как видно, И. Рахевильц переводит ср.-монг. *mangγus* как 'дракон-змея', предполагая, что «прежде чем развиться под буддийским влиянием в 'чудовище-людоеда, демона' (санскр. *rākṣasa*) это мифическое животное рассматривалось как ужасное создание в виде змеи или дракона, способное проглатывать живьем. Для того чтобы обосновать существование этого мифа в древнем, добуддийском монгольском фольклоре Ш. Гаадамба сблизил *gürölgü mangγus* с совр. монг. *gürbel mangγus* 'ящерица-*mangγus*', при этом внешний вид монстра в виде ящера мог быть почерпнут древними монголами из археологических находок динозавров. Исходя из немногочисленных источников, становится очевидным, что *mangγus* воспринимался монголами времен Чингисхана в виде дракона или змеи, физические характеристики которых невозможно с точностью определить» [Racheviltz, 2004, p. 717].

Ученый предполагает, что в структурном плане ср.-монг. *mangγus* состоит из китайского *mang*, соединительной гласной *-u-* и форманта множественного числа *-s*. Семантически форма развивалась следующим образом: кит. *mang* '(очень) большая змея, иногда ассоциируемая с драконом' > ср.-монг. *mangγus* 'дракон-змея людоед' > монг. *mangγus* 'чудовище-людоед, демон, *rākṣasa*' [Op. cit., p. 717–718].

Следует отметить, что в переводе С.А.Козина *tangqus* имеет значение ‘демон-змея, мангус’, в переводе П.А. Дарваева ‘чудовище’. На наш взгляд, китайский характер заимствования лексемы маловероятен, поскольку ее семантика вполне «выводима» из значений однокоренных, в том числе образных, слов.

Исследование лексики с корнем **tang* в монгольских и кыргызском языках позволило выявить общий первичный признак ‘выпуклый, округлый’: п.-монг. *tanglai*, монг. *манлай*, бур. эхир. *мангилай* ‘лоб; мыс, нос горы’. Помимо *манлай*, в монгольских языках представлен синоним: п.-мо. *tangnai*, мо. *магнай*, калм. *магна*, образованный с помощью суффикса *-nai* от того же корня **tang*. Вариант *магнай* демонстрирует «переход *ŋ* в *g* в тех случаях, когда исторический *ŋ* оказался в положении перед **n* (**l*)» [Рассадин, 1982, с. 108]. Ср. *angna-* > *агна-* ‘охотиться’, *tengne-* > *тээнэ-* ‘уравновешивать’.

Фонетически близкая лексема со значением ‘лоб’ широко распространена в тюркских языках: кырг. *маңдай*, алт. *маньдай*, башк., калп., тат., туркм., уйг. *манлай*, казах., кбалк. *мангылай*, ног. *маньлай*, узб. *манглай*. Ср. также архаическое значение образного характера кырг. *маңгел* (*маңгел баш*) *ат* ‘лошадь с выпуклым (некрасивым) лбом’ [Киргизско-русский словарь, 1965, с. 516]. Как отмечается в «Этимологическом словаре тюркских языков», «авторы Грамматики алтайского языка сопоставили алт. *маңдат* ‘лоб’ с монгольскими формами. Монгольское происхождение слова признает значительное число этимологов ... Первоначальным значением слова Г. Дёрфер считает ‘лоб’, признавая несомненное монгольское происхождение» [ЭСТЯ, 2003, с. 41].

Развитие значения «лоб → (большая) голова» на основе метонимического переноса «часть → целое» наблюдается в азерб. диал. *маңай* ‘голова, череп’ [Там же, с. 40]. Формы монг. *мантгар* ‘широколицый; большеголовый’, *мантгар толгой* ‘большая крупная голова’, бур. *мантагар* ‘головастый, большеголовый’, монг. *толгойнь манхай-* ‘быть большеголовым’ восходят к образным корням **mant* / *tangq*, фонетическим вариантам корня **tangy*, давшего п.-мо. *tangyus*. Очевидно, отличительным признаком мангуса могло быть не только множество голов, но и большая голова.

Помимо значений ‘большеголовый’ монг. *мантгар*, бур. *мантагар* означают ‘крупный, толстый, массивный, здоровенный’, монг. *мандгар* ‘большой, толстый’, бур. *мандагар* ‘крупный, огромный, большой’, *мантан* ‘большой’, монг. *манхай-* ‘быть большим’. Здесь видно, как информация о размере объекта получается в результате дальнейшей трансформации образа, отражающего его форму. Безусловно, эти признаки также применимы к мифическому персонажу.

Название растения монг. *мангад тархи* ‘мордовник Гмелина’ (досл. ‘большая / круглая голова’) обусловлено тем, что его цветки собраны в крупные шаровидные головчатые соцветия. Также к производным можно с уверенностью отнести названия растений: монг. *мангина* ‘вид чеснока’, *мангир* ‘дикая луковица’, *мангис*, бур. *мангиһан* ‘черемша’, номинация в которых происходила на основе зрительного восприятия округлой формы луковицы. Семантически близки формы: кырг. *мандалак* ‘тюльпан’ (род многолетних луковичных растений семейства лилейные), *мандалактай семиз тай* ‘как налитой жеребенок’, *мандалактай-*

Сундуева Е.В.

мандалактай балдар ‘полненькие и румяные дети’ [Киргизско-русский словарь, 1965, с. 515]. Значения ‘полный, крепкий’ прослеживаются в кырг. *мандырдай* ‘ядренный, крупнозернистый’, *эки бети мандырдай кызыл бала* ‘краснощекий мальчик’, *манек* ‘полный и полнолицый крепыш’, *мантай-* ‘быть приземистым, коренастым’, *мантык-* ‘поправиться, пополнить (*после отощания*)’ [Там же, с. 516].

Как пишет С.Ю. Неклюдов, «близкие мангусу наименования встречаются в фольклоре саларов, уйгуров, алтайцев, шорцев, тувинцев, якутов, тунгусов; однако под этими именами выступают не только отрицательные (враг, чудовище), но и положительные (герой, богатырь) персонажи. Наличие у тюрко-монгольских и тунгусо-маньчжурских народов аналогично звучащих названий «чужих» племен и самоназваний (*манги, мангут, мангыт, мангат, мангыс, мангас, мангиян* и пр.) позволяет предположить двоякую интерпретацию древнего этнонима в зависимости от исторических условий: положительная («свой» герой – богатырь) и отрицательная (иноплеменник – враг, демон)» [Мифологический словарь, 1990, с. 100].

Возможно, признак ‘с высоким открытым лбом’ заложен в бур. фольк. *мангад* ‘русский’, а также в названии древнего монгольского племени *мангут*, упоминаемого в «Сокровенном сказании монголов»: *Nacin-ba'atur-un kö'üt uru'udai mangqutai neretan büke'e uru'ut mangqut oboqtan tede bol(u)ba* [Rachewiltz, 1972, р. 20–21] ‘Сыновья Начин-Баатура прозывались Уруудай и Мангутай. От них пошли племена Урууд и Мангуд’. Имя *Mangqutai / Мангуудай*, по всей видимости, отображает внешний вид ребенка. От монг. *мангут* унаследовали свой этноним тюркоязычные мангыты. Указание на иной признак находим у Л.-П. Стэнли: «Мангыты, или “люди с плоскими носами”, племя, родственное ногайцам, оставили свои кипчакские кочевья в начале XVI в., чтобы принять участие в успехах Мухаммеда Шейбани» [Стэнли, с. 200].

В фольклоре монгольских народов представлены красочные описания чудовищ-*мангас*, количество голов которых варьируется в пределах одного памятника. В монгольских сказках упоминаются *Арван таван толгойтой атгаалжин хар мангас*, *харин таван толгойтой хотгойлжин хар мангас*, *салаа толгойтой мангас* и пр. В бурятском эпосе «Абай Гэсэр» мангадхай имеют 13, 67, 77, 108, 500, 600, 1008 голов: *Асуурайн шара мангадхай / Арбан гурбан толгойто* ‘Асурайский желтый мангадхай, / Имеющий тринадцать голов’; *Ёрон долоон толгойто / Ёргоо хургааг эбэртэй / Ёбсогдой шара мангадхай* ‘Лобсогдой желтый мангадхай, / Который имеет шестьдесят семь голов, / Да и шесть, словно жерди, рогов’; *Далан долоон толгойтой / Данъял шара мангадхай* ‘Желтый Даньяльский мангадхай, / Имеющий семьдесят семь голов’; *Зүүн найман толгойто / Зуудаг шара мангадхай* ‘Кусаящий желтый мангадхай, / Что имеет сто восемь голов’; *Табан зуухан толгойто, / Таби хургааг эбэртэй, / Мангад хүшэн гахай* ‘Пятьсот он имеет голов, / Пятьдесят, словно жерди, рогов он имеет / Старик Мангад гахай’; *Ёргоон зуухан толгойтойл, / Ёрон хургааг эбэртэй / Мангад хүшэн ахай* ‘Старик Мангад гахай, / Что имел шестьсот-то голов, / Шестьдесят, словно жерди, рогов’; *Минга найман толгойтой / Митуурайн шара мангадхай* ‘Митурайский желтый мангадхай, / Что

имеет тысячу восемь голов'. В эпосе ононских хамниган мангадхай был либо двухголовые, либо пятнадцатиголовые: *Тыгэсээр байтар, бурхан – нэгэ хоёр таракитэй екаэсэ экэ амитан орджирбэ* 'После этого, о господи, двухголовое, громадно из громадных страшилище заходит' [Улигеры ононских хамниган, 1982, стр. 20]. Символика этих чисел детально рассмотрена учеными-фольклористами, этнографами, историками.

Как видно, в памятнике «Абай Гэсэр» слово *мангадхай* представлено формами *мангад ахай, мангад гахай, мангад хугшэн ахай*, в эпосе окинских бурят *мангасхай*, у ононских хамниган *мангад ахай* или даже *ахай мангад*: *Арбан табан тологойтой / Ахай мангад гэджи юу гээчи бэй?* Выступление слова *ахай* в препозиции, а также использование определения *хугшэн* 'старый' свидетельствуют о том, что *мангадхай* сформировалось из двух слов: *мангад* + *ахай*, используемого для выражения почтения при имени или названии, часто превращающегося в суффикс (ср. бур. *бишанхай* 'третий по старшинству брат', *нагасахай* 'дядя по матери').

В эпосе «Манас» встречается эпический топоним Манггюба, обозначающий далекую страну в землях кытаев, а также название рода:

<i>Маңгуба журту каптаса,</i>	Если племя <i>манггюба</i> нахлынет [на нас],
<i>Башаалыгың бузулду.</i>	Власти падишаха лишишься ты.
<i>Жалан эле биз эмес,</i>	Не только мы одни,
<i>Жалты дүйнө жүзүнө</i>	Но и весь мир
<i>Тие турган зардабы.</i>	Испытает их насилие.

[Манас, кн. 4, 1995, с. 238, 593].

Возможно, название *маңгуба* также обозначает большеголовых / многоголовых людей, красочное описание которых дано в эпосе:

<i>Кийим ордунда чачтары,</i>	Вместо одежды волосы [у них],
<i>Таанылбайт кары, жаштары,</i>	Не поймешь, кто молод, а кто стар,
<i>Эң кичине дегендин</i>	Даже у самых маленьких
<i>Даш казанджай баштары.</i>	Голова с огромный котел,
<i>Аяк менен бутары,</i>	От рук их и ног
<i>Ат чабым жерге баргыдай</i>	На расстояние в <i>ат чабым</i>
<i>Коңурсуган жыттары.</i>	Стоит смрадный дух.

[Манас, кн. 4, 1995, с. 233, 588]

<i>Кээ бүрөөндөө эки баш,</i>	У некоторых две головы,
<i>Учку деген уругу</i>	В племени, называемом учку,
<i>Жергелешти жети баш.</i>	С семью головами все как один.

[Манас, кн. 4, 1995, с. 234, 589]

Таким образом, в лексемах монг. *тангуис* и кирг. *манггюба / манггуба* заложен отличительный признак 'большая голова', подразумевающий и 'множество голов'. В повествовании фольклорного произведения отличающиеся стереотипностью названия мифологических врагов имели возможность долгого хранения и устной передачи из века в век. Семантическая реконструкция лексики фольклора, безусловно, позволяет выявить особенности мировидения монгольских народов, обнаружить корреляции с глубинными архетипами, восходящими к общей традиции.

Список литературы

1. Киргизско-русский словарь / Сост. К. К. Юдахин. – М.: Советская энциклопедия, 1965.
2. Манас. Киргизский героический эпос. Кн. 4. – М.: Наследие, 1995. – 768 с. – (Эпос народов Евразии).
3. Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
4. Рассадин В. И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. – М.: Наука, 1982.
5. Стэнли Лэн-Пуль. Мусульманские династии. Хронологические и генеалогические таблицы с историческими введениями / Пер. с англ. с примеч. и доп. В. В. Бартольда. – М.: Восточная литература, Муравей, 2004.
6. Улигеры ононских хамниган. – Новосибирск: Наука, 1982.
7. ЭСТЯ, 2003 – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». – М.: Восточная литература РАН, 2003.
8. Kowalewski J. E. Dictionnaire mongol-russe-français. – Kasan: Imprimerie de l'Université, 1849. – V. I-III.
9. Rachewiltz I. Index to The Secret History of the Mongols. – Bloomington: Indiana University, 1972.
10. Rachewiltz I. The Secret History of the Mongols. – Leiden; Boston: Brill, 2004.
11. Tumurtogoo D. Monuments in Uighur-Mongolian Script (XIII-XVI centuries) Introduction, Transcription and Bibliography, Academia Sinica, Institute of Linguistics / D. Tumurtogoo, G. Cecegdari. – Taipei, Taiwan, 2006.